

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

DOI: 10.14515/monitoring.2020.4.1655

С. Ю. Барсукова, С. Н. Левин

СООТНОШЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО И ФИНАНСОВОГО РЕСУРСОВ В ХОДЕ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА

Правильная ссылка на статью:

Барсукова С. Ю., Левин С. Н. Соотношение административного и финансового ресурсов в ходе избирательных кампаний в современной России: региональная специфика // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4. С. 41—59. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.1655>.

For citation:

Barsukova S. Y., Levin S. N. (2020) Ratio Between Administrative and Financial Resources during Election Campaigns in Modern Russia: Regional Specifics. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 41—59. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.1655>. (In Russ.)

СООТНОШЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО И ФИНАНСОВОГО РЕСУРСОВ В ХОДЕ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА

БАРСУКОВА Светлана Юрьевна — доктор социологических наук, профессор кафедры экономической социологии департамента социологии факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: svbars@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2696-4882>

ЛЕВИН Сергей Николаевич — доктор экономических наук, доцент, Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия
E-MAIL: levin.sergey.n@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-3881-3579>

Аннотация. В статье обсуждается вопрос о соотношении административного и финансового ресурсов как условий победы на выборах, а также о степени подконтрольности и автономии российских предпринимателей в их электоральной активности. На основе интервью с лицами, причастными к проведению избирательных кампаний в разных регионах страны (политтехнологи, чиновники, предприниматели), выявлены три модели выборов (жесткая, мягкая и конфликтная) в зависимости от того, какую роль играет финансовый ресурс по отношению к административному — комплементарную или субсидиарную. Административный ресурс представляет собой использование властных полномочий как через избирательное применение формальных норм, так и через форми-

RATIO BETWEEN ADMINISTRATIVE AND FINANCIAL RESOURCES DURING ELECTION CAMPAIGNS IN MODERN RUSSIA: REGIONAL SPECIFICS

Svetlana Yu. BARSUKOVA¹ — Dr. Sci. (Soc.), Professor at the Department of Economic Sociology, School of Sociology, Faculty of Social Sciences
E-MAIL: svbars@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2696-4882>

Sergei N. LEVIN² — Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor
E-MAIL: levin.sergey.n@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-3881-3579>

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

² Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

Abstract. The paper is focused on the ratio between administrative and financial resources as prerequisites for electoral victory, as well as the degree of accountability and autonomy of domestic entrepreneurs involved in electoral activities. Based on interviews with people dealing with electoral campaigns in various regions (political strategists, public officials, entrepreneurs) the authors single out three electoral models (tough, soft and conflict-based) depending on the role the financial resources play in relation to the administrative resources (complementary or subsidiary role). Administrative resource implies both the use of political power by selectively applying the formal norms and non-legal practices related to electoral control. However, the administrative resource alone is not enough to achieve success in electoral

рование специальных внезаконных практик, связанных с контролем над избирательным процессом. Однако одним административным ресурсом кампании не выигрываются. Для этого необходим финансовый ресурс, основным поставщиком которого выступают предприниматели. В статье анализируются особенности региональных моделей с различным соотношением влияния административного и финансового ресурса на результаты выборов. Показано, что финансовые возможности бизнеса могут быть комплементарны административному ресурсу или, наоборот, составлять ему конкуренцию.

Ключевые слова: избирательные кампании, административный ресурс, финансирование выборов, вертикаль власти

Благодарность. Работа выполнена в рамках проекта «Неформальные практики организации и проведения избирательных кампаний в современной России» при поддержке Фонда социальных исследований «Хамовники» (рук. С. Ю. Барсукова).

campaigns. Financial resource provided by entrepreneurs is also essential. The article addresses the specifics of the regional models with different ratios between administrative and financial resources affecting the elections. Financial opportunities provided by business can be complementary to administrative resource, or vice versa, can be considered as a competitor.

Keywords: election campaigns, administrative resource, electoral funding, vertical of power

Acknowledgments. The study is funded under the project “Non-formal practices in organizing and conducting electoral campaigns in modern Russia” supported by the Khamovniki Foundation for Social Research (project manager: S. Yu. Barsukova).

Общим местом рассуждений о выборах в России является признание того, что в избирательных кампаниях ключевую роль играют административный и финансовый ресурс. Кто-то убежден в том, что административный ресурс доминирует, и, даже имея значительные финансовые возможности, невозможно пробить административную защиту. Это связано с тем, что в последние годы чрезвычайно возросла роль партии власти, которая стремится в ходе выборов удержать свои позиции как на федеральном, так и на региональном уровне [Ross, 2015; Gel'man, 2015a]. Хотя исследователи и раньше отмечали использование административного ресурса [Звоновский, 2000]. При этом удержание власти заключается не в явных запретах на участие в выборах оппозиционных партий или кандидатов, а в создании таких условий, при которых исключается возможность поражения действующей власти. Другими словами, избирательные кампании в России превратились в формы демонстрации формальных и неформальных статусных преимуществ представителей партии власти перед оппозицией (системной, а тем более несистемной).

Есть и обратное суждение, которое сводится к тому, что административный ресурс в последнее время потерял былую действенность, а вертикаль власти превратилась в декоративный и декларативный элемент российской политики. В связи с этим финансовый ресурс объявляется ведущим, определяющим результат борьбы в ходе избирательной кампании, другими словами, победу можно «купить». В рамках нашего исследования мы пытались разобраться в том, какая же из этих альтернативных точек зрения ближе к действительности.

Эмпирическая база исследования

Эмпирическую базу исследования составляют 75 глубинных интервью с политтехнологами, представителями региональных и городских администраций, депутатами, а также предпринимателями, вовлеченными в избирательный процесс. Наши респонденты пытались ответить на вопросы о роли административного и финансового ресурсов в ходе избирательных кампаний. Интервью были собраны в период с октября 2018 г. по июль 2019 г. в Москве, Санкт-Петербурге, Кемерове, Красноярске, Новосибирске, Бердске, Екатеринбурге, Ульяновске. Респонденты подбирались с учетом их роли в избирательном процессе, а также регионального разнообразия.

Прежде чем представлять результаты исследования, необходимо сказать несколько слов о степени доверия к ответам респондентов на чувствительную тему. Для снятия естественных в таком случае препятствий коммуникации респондента и исследователя были использованы различные техники интервьюирования для разных групп респондентов. В интервью с политтехнологами хорошо работала коммуникативная схема, в рамках которой исследователь был в образе наивного человека, верящего в политическую конкуренцию в ходе выборов. Это провоцировало желание собеседника (политтехнолога) «раскрыть глаза на реальность», объяснить, как все обстоит «на самом деле». Учитывая, что почти все политтехнологи были мужчинами, в ситуации, когда интервью брала женщина, к позиции интервьюируемого добавлялся оттенок мужской снисходительности, что вынуждало его формулировать свою позицию более остро и цинично.

В интервью с предпринимателями лучше работала иная коммуникативная рамка. Соглашаясь на интервью, бизнесмены почти всегда оговаривали, что у них мало времени и разговор будет коротким. В такой ситуации образ «наивного социолога» мог их раздражать, и коммуникация была бы нарушена. Кроме того, бизнесмены (в отличие от политтехнологов) зависят от местных властей и опасаются говорить о том, как устроены выборы. Поэтому в интервью с предпринимателями социолог демонстрировал осведомленность, после чего предприниматели готовы были вести беседу на равных, видя в собеседнике компетентного специалиста. В итоге продолжительность интервью почти всегда превышала заранее оговоренные лимиты.

Интервью с чиновниками также требовали смены коммуникативной рамки. Практически все встречи с чиновниками начинались со стандартного монолога респондента о четком следовании закону, о нормах демократии, о равных шансах всех кандидатов, то есть респондентами воспроизводилась информация, которую положено транслировать представителям власти. В этой ситуации хорошо рабо-

тала техника провокаций. Интервьюер оглашал факты использования административного капитала в ходе выборов, ссылаясь на материалы СМИ. Речь при этом шла исключительно о других регионах, чтобы не нарушить коммуникацию прямыми обвинениями. Тогда чиновники начинали подозревать в собеседнике «поборника демократии». Коммуникативной рамкой становилось противопоставление взглядов. Чиновники уходили от штампов и начинали (иногда довольно агрессивно) доказывать правоту «государственного подхода» к теме выборов. Выход за рамки штампов был связан с имитацией спора, что вынуждало чиновников более четко и явно выразить свою позицию.

Таким образом, коммуникативные рамки интервью различались в зависимости от ситуации и от категории респондентов. Добавим, что, учитывая деликатность темы, все выходы на респондентов предварялись контактом посредника с респондентом, в ходе которого интервьюер характеризовался как профессионал, который ни разу не нарушил гарантии анонимности интервью.

Помимо разнообразия групп респондентов в зависимости от их роли в избирательном процессе мы ориентировались на получение информации об организации избирательных кампаний в различных регионах России, существенно различающихся показателями электоральной статистики. Такой подход ориентирован на проведение сравнительного анализа, позволяющего выделить различные устойчивые региональные модели соотношения административного и финансового ресурсов.

Нужно отметить, что респонденты также делились на «оседлых» и «кочевых». Первые — предприниматели и чиновники — объясняли свое поведение в ходе электоральной кампании в контексте региональной ситуации. Они описывали свои мотивы и репертуар действий как производную от конфигурации факторов, характеризующих политический и экономический ландшафт в регионе. Политтехнологи в отличие от них «кочуют» по стране. Они проводят выборы в разных регионах с различными моделями управляемости выборов. Соответственно политтехнологи были склонны высказывать суждения обобщающего характера, иллюстрируя их примерами из разных регионов. При этом они признавали важность региональной специфики, утверждая, что «двух одинаковых выборов не бывает».

Результаты исследования

На основе интервью были выделены разные модели организации и проведения избирательных кампаний. Базовое различие сводится к соотношению административного и финансового ресурсов, используемых в политическом пространстве. В зависимости от того, *комплементарными* или *субсидиарными* являются эти ресурсы, можно говорить о трех моделях организации избирательных кампаний: жесткой, мягкой и конфликтной.

Жесткая модель:

финансовый ресурс комплементарен административному

Жесткая модель предполагает широкомасштабное использование административного ресурса на всех этапах избирательной кампании. В этом случае властные структуры используют свои административные полномочия через

избирательное применение формальных норм и формирование специальных внелегальных практик, связанных, например, с контролем над деятельностью избирательных комиссий. Весь комплекс этих практик выступает как административный ресурс, используемый при организации и проведении избирательных кампаний¹. Целью является обязательное достижение запланированных показателей по явке и проценту голосов за представителей партии власти. Типичные примеры — Кемеровская область, Чечня, Татарстан, где эти показатели существенно превышают общероссийские. Так, на выборах президента РФ в 2018 г. явка по стране составила 67,54 % от числа избирателей, а кандидатура действующего президента получила поддержку 76,69 % принявших участие в голосовании россиян². При этом в Кемеровской области последний показатель составил 85,42 %, в Чеченской республике — 91,44 %, Татарстане — 82,09 %. Явка в Кемеровской области составила 83,35 %, в Чечне — 91,54 % (в Татарстане на этих выборах явка оказалась близка к среднероссийской).

Если показатели Чечни близки к тому, что было зафиксировано во многих других национальных республиках (Тыва, республики Северного Кавказа и др.), то Кемеровская область качественно отличается от соседних областей и краев. В Томской и Новосибирской областях, Красноярском крае показатели по явке составили 59,23 %, 60,41 %, 60,43 % соответственно, что ниже среднероссийской явки. Голоса, отданные за действующего президента, также оказались ниже среднероссийских — 71,23 % в Томской области, 71,06 % в Новосибирской области и 74,28 % в Красноярском крае. Рядом с такими соседями показатели Кемеровской области смотрятся особенно впечатляющими.

С нашей точки зрения, именно жесткая модель — базовая для сложившейся в современной России политико-экономической системы, ядром которой является вертикаль власти [Goode, 2011; Gel'man, 2009]. Последняя представляет собой не просто вертикаль административного управления, а пирамиду симбиотически сросших друг с другом политических и экономических акторов [Barsukova, 2019]. Взаимодействие между ними выступает как сложное и многообразное сочетание процессов «захвата бизнеса» со стороны государства и «захвата государства» со стороны предпринимателей [Нуреев, Шульгин, 2006; Yakovlev, 2006; Левин, 2014]. Интересный анализ многообразных вариантов соотношения этих процессов в крупных городах России был, в частности, проведен в работе О. Бычковой и В. Гельмана [Бычкова, Гельман, 2010]. На основе типологии, построенной на комбинации двух параметров («сильная/слабая власть» и «сильный/слабый бизнес»), они выделили четыре модели их взаимодействия: «государствохищник», «политика невмешательства», «взаимные заложники», «поиск ренты/захват государства».

По сравнению с олигархическим капитализмом 1990-х годов в рамках современной вертикали власти произошло резкое усиление как административ-

¹ Заметим, что манипуляции результатами выборов не сугубо российское явление, однако страны различаются масштабом и формами этого процесса [Simpser, 2013].

² Постановление ЦИК РФ от 23 марта 2018 г. № 152/1255-7 «О результатах выборов Президента Российской Федерации, назначенных на 18 марта 2018 года» // Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. 2018. 23 марта. URL: <http://www.cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/39429/> (дата обращения: 04.08.2020).

ного, так и финансового контроля над региональными и местными властными структурами, а также над крупными российскими бизнес-группами и компаниями. Общность между этими двумя этапами развития политико-экономической системы современной России заключается в том, что успешное ведение предпринимательской деятельности в России, особенно на уровне крупного бизнеса, невозможно без наличия индивидуального политического ресурса. В данном случае речь идет о типичном для стран с развивающимися рынками явлении, которое получило отражение в научной литературе под различными названиями, зависящими от подхода авторов и контекста исследований: «захват государства» (state capture), «капитализм приятелей» (crony economy), «политические связи» (political connections), «политически влиятельные фирмы» (politically favored firms), «конкурентный авторитаризм» (competitive authoritarianism) [Hellman, Jones, Kaufman, 2000; Fisman, 2001; Slinko, Zhuravskaya, Yakovlev, 2004; Faccio, 2006; Levitsky, Way, 2010].

Модификация взаимоотношений между властью и бизнесом в рамках вертикали власти заключается в укреплении доминирующих позиций политических акторов и правящей группы по отношению к бизнесу при сохранении автономии последнего и способности предпринимателей извлекать выгоды из отношений с властью. Такую систему еще в начале 2000-х годов А. Радыгин охарактеризовал как «государственный капитализм для своих», что означает гибрид классического государственного капитализма и «капитализма для своих» [Радыгин, 2004]. С тех пор движение в этом направлении стало еще более отчетливым.

Для такой политико-экономической системы принципиальны жесткое ограничение самостоятельности и административная подконтрольность действий предпринимателей в сфере публичной политики. В соответствии с этим базовым принципом в рамках жесткой модели административный ресурс играет ключевую роль. Для реализации модели необходимо, чтобы представители системной оппозиции принимали негласные правила игры и участвовали в выборах на предложенных властью условиях. Представители несистемной оппозиции от выборов отстраняются под тем или иным предлогом. Неслучайно В. Гельман определяет системную оппозицию как стипендиатов и «младших партнеров авторитарных режимов», а несистемную оппозицию — как «явных соперников режима» [Gel'man, 2015b: 178].

Несогласованное с властью использование предпринимателями финансовых ресурсов в ходе избирательных кампаний практически полностью блокируется. Также недопустимы и публичные конфликты по поводу выборов. Фирмы, посмевшие нарушить распоряжение на финансирование политического процесса, могут оказаться в опале, что позже приведет к повышенной активности проверяющих и контролирующих органов, к отлучению от потоков госзаказов и прочим трудностям. В этом случае в качестве инструментов административного давления могут быть задействованы правоохранительные органы.

Если речь идет о финансировании оппозиции, то это потом будет просто компроматом, который потом покажут Администрации президента и скажут: «Смотрите, вот эти фирмы, которые нелояльны губернатору, нелояльны президенту». (Политтехнолог)

Конечно, финансирование избирательных кампаний можно реализовать через подставные фирмы или через взносы физических лиц. Но, во-первых, всегда есть риск разоблачения; во-вторых, в условиях жесткого административного контроля за результатами выборов шансы на победу слишком малы. Проще принять сложившуюся политическую конструкцию и в ее рамках получать преференции власти, демонстрируя полную лояльность.

Власть в рамках жесткой модели массированно использует финансовые и организационные возможности бизнеса, то есть административный ресурс активно конвертируется в финансовое обеспечение выборов. От бизнеса требуют не только финансовых траншей, но и помощи в любой другой доступной форме. Например, кто-то может обеспечить транспортом для развоза агитаторов по области, кто-то — предоставить сотрудников для выполнения различных работ. Крупные предприятия, на которых сосредоточены значительные трудовые ресурсы, в случае необходимости предоставляют свои площадки для ведения агитационных бесед (в рабочее время и, разумеется, без компенсаций для работодателей) [Frye, Reuter, Szakonyi, 2014].

Раньше хотя бы крупный бизнес мог отказаться от того, чтобы агитировать своих работников. С бизнесом пытались договориться, уговорить его, у него была какая-то степень свободы. Сейчас нет, все, никто не сопротивляется. Формально бизнес независимый, а реально — выполняет указания в ходе избирательных кампаний, стимулирует, заставляет своих сотрудников, чтобы они пришли на выборы и правильно проголосовали. (Предприниматель, депутат заксобранья)

В этом случае финансовый ресурс комплементарен доминирующему административному ресурсу, не составляет ему альтернативу и является полностью ему подконтрольным. Финансовые потоки в этой модели сосредотачивают только те игроки политического пространства, кто обладает административным ресурсом. Политические амбиции бизнеса в таких условиях строго подконтрольны и дозированы. Финансовые вливания в избирательные кампании согласованы и обязательны к исполнению, что правильнее трактовать как «квазианалоги», чем инициативное инвестирование предпринимателей в свой политический капитал. Для предпринимателей эти затраты выступают, прежде всего, как часть квазифискальных платежей наряду с обязательствами, кодируемыми как «социальная ответственность бизнеса» [Левин, Курбатова, 2011]. Такие политические «оброки» дополняют широкий спектр неформальных платежей, давно институционализированных в российской практике и описанных как «налоги+» [Олейник, 2008] или «квазианалоги» [Панеях, 2008].

Однако это не означает, что жесткую модель в обязательном порядке отличает низкая доля предпринимателей в выборных органах власти. Количественные показатели в этой ситуации неинформативны. Важно не количество представителей бизнеса, а каналы их попадания в органы власти. Предприниматели на предложенных властью условиях финансируют собственные выборы или выборы своих представителей. Нежелание предпринимателей «дразнить» власть проявляется в том, что они предпочитают выдвигаться по одномандатным округам, что дает

возможность позиционировать себя как хозяйственников, которых нельзя заподозрить в связях с оппозицией, даже с системной [Scott, Sonin, Zhuravskaya, 2010]. Однако, и это принципиально, эта опция доступна не для всех. Никакие финансовые возможности не приведут к депутатскому мандату или креслу мэра, если кандидатура не согласована в административных кругах. В этой модели профессионализм политтехнолога не имеет особой ценности, ведь результат предreshен. Как определил суть процесса политтехнолог: «Я этому катку особо не нужен. Он сам закатит шар в лузу».

Предreshенные выборы представляют собой наиболее предпочтительные заказы для специалистов, срощенных с высокими административными чинами. Такие проекты высоко оплачиваются и, как правило, предполагают вознаграждение тех, кто повлиял на распределение заказа. Кроме того, такие проекты не несут угрозы провала, нежелательные для рейтинга политтехнолога. Многие «звездные» политтехнологи, предъявляющие в качестве доказательства своего профессионализма отсутствие поражений на выборах, получают заказы на проведение кампаний в регионах, в которых партия власти или провластный кандидат практически не имеют шансов проиграть.

Для регионов такая модель зачастую становится способом зарекомендовать себя перед федеральным центром в качестве благонадежного. Особенно это характерно для выборов федерального уровня (президентских или выборов в Госдуму РФ). Демонстрируется, что стараниями региональных властей ситуация находится под контролем. Регионы, имеющие возможность практиковать жесткую модель, включаются в соревнование под условным названием «Кто обгонит Татарстан или Чечню?» в демонстрации электоральной лояльности центру.

Губернатор понимает, что его положение на посту зависит не от отношения с электоратом, а от отношений с первыми лицами государства и структурами, непосредственно отвечающими за реализацию внутренней политики. В данном случае это администрация президента. Электорат вторичен. (Политтехнолог)

Жесткая модель не допускает непредсказуемости результатов голосования. Это обеспечивается в первую очередь тем, что административное сито «просеивает» кандидатов на стадии выдвижения в кандидаты в депутаты. Другими словами, результаты конструируются не в ходе избирательной кампании, а на старте, путем соответствующего подбора участников, допущенных к выборам. Эту ситуацию достаточно четко описал политтехнолог:

Сегодня власть научилась управлять ходом выборов. Причем сейчас это управление сдвигается на фазу выдвижения и регистрации кандидатов. То есть, на самом деле, решается все уже заранее, на подборе. У власти есть хорошие возможности для того, чтобы не зарегистрировать, например, самовыдвиженца, да. Это же тоже ресурс. У тебя может быть сколько угодно денег, но партия тебя не выдвигает, парламентская, например, если она под управлением, под контролем... А в то же время самовыдвиженец просто не регистрируется. Ну, не буду скрывать, был один кандидат, который пришел, обратился к нам, попросил его выдвинуть, да, финансово имеющий ресурсы.

Администрация дала понять, что он нежелателен, человек несистемный, человек опасный для них. И мы отказались от этого, хотя он, наверное, добавил бы немножко остроты в кампанию в своем округе, но нам бы это в общем-то испортило отношение. Я боец, я умею воевать, но если есть... как говорил кто-то из китайских или японских мудрецов, что-то типа: «Лучший воин тот, кто вообще избежал битвы». (Политтехнолог)

Когда у власти появилась возможность фильтровать тех кандидатов, которые допускаются до выборов, с тех пор выборы перестали быть войной коммуникаций, месседжей, смыслов, а стали войной административного ресурса. У нас нет конкурентных выборов, потому что на момент определения кандидатов власть абсолютно контролирует, кого она хочет там видеть. (Вице-губернатор в отставке)

Впрочем, административный ресурс проявляет себя и на последующих стадиях избирательной кампании. Это может быть и уничтожение агитационной продукции, и негласный запрет местным типографиям обслуживать конкурента, и т. д.:

Административный ресурс против меня работал. Мне милиция все билборды сорвала. Ну не самолично, конечно. Но что, у милиции нет возможностей сказать какому-то бомжу — иди, сдирай плакат? (Кандидат в депутаты заксобрания)

Мы с ребятами вынуждены были печатать свои агитки в соседней области. Дурдом? Звоним в типографию, а они врут, что все мощности заняты, не могут мои листовки напечатать. Понятно, что им отмашка была. (Кандидат в депутаты горсовета)

Может возникнуть вопрос, зачем нужны финансовые ресурсы при жесткой модели с абсолютным доминированием административного ресурса. При ответе на этот вопрос политтехнологи демонстрировали редкое единодушие. Суть ответа сводилась к тому, что даже самые «лобовые» избирательные кампании с жесткой административной предзаданностью результатов нуждаются в крупных финансах. Более того, эта потребность в последние годы растет.

Все говорят о бюджетниках как электорате «Единой России». Но это же не солдаты, им нельзя просто отдать приказ. Их надо задабривать как-то... (Политтехнолог)

Что делала «Единая Россия» в 2011—2015 годы? Людей заставляли фотографировать бюллетени как доказательство, что они правильно проголосовали. Сфотал — и отправил своему координатору. Но даже в таком виде этот проект требует серьезной организации, требует бригадиров, а это все деньги. Это тяжелый инфраструктурный проект. И он очень затратный. Тем более что это незаконно и, стало быть, организаторы рискуют. Это дополнительный ценник. (Политтехнолог)

Таким образом, при жесткой модели доминирующую роль в ходе избирательных кампаний играет административный ресурс. Финансовое обеспечение выборов достигается посредством давления на бизнес, а финансовый ресурс является не самостоятельным, а комплементарным административному.

Мягкая модель:

ограниченные возможности «самодеятельного» финансирования выборов

Мягкая модель предполагает расширение окна возможностей для участия в выборах, по крайней мере, для представителей системной оппозиции. По сути, речь идет о модификации жесткой модели. В мягком варианте расширяется возможность использования финансового ресурса и политических технологий для продвижения кандидатов, не согласованных с властными структурами. Однако это не распространяется на выборы губернаторов, а также проходит в рамках общей готовности представителей системной оппозиции признавать правила игры, закрепляющие доминирующее положение партии власти. По сути, это модель дозированной политической конкуренции. Зачастую это способ предоставить возможность общественности «выпустить пар»:

...Сдавливание в обществе имеет какие-то ограничения. Идет обратная реакция. Так что задавить абсолютно невозможно. Тут работает правило: угол давления равен углу отторжения. (Политтехнолог)

В таких условиях у предпринимателей расширяется степень свободы выбора, что означает увеличение значимости мотива добровольного политического инвестирования. Финансовый ресурс может выступать не только компонентом, но и субститутом административного ресурса. Финансы бизнеса не только обеспечивают реализацию электорального сценария власти, но и позволяют предпринимателям вести свою игру, добиваться победы на выборах, инвестируя в свой политический капитал. Финансы уже не только обслуживают административный сценарий, но и составляют ему конкуренцию [Barsukova, Zvyagintsev, 2006]. В рамках этой модели административный ресурс продолжает играть решающую, но не безусловную роль. С точки зрения техники проведения избирательных кампаний существенно возрастает роль политтехнологий и квалификации политтехнологов. На языке политтехнологов ситуация называется «можно побороться».

Административный ресурс привык обращаться с ядерным электоратом, не привлекая нового, то есть максимально усугубив явку и приведя на выборы тех, кого можно нагнуть. Моя задача — за счет финансового ресурса привести на выборы дополнительный электорат, которые никогда не ходили на голосование, чтобы они проголосовал за моего кандидата. (Политтехнолог)

Почему региональные власти практикуют мягкую модель, оставляя определенное пространство для политической конкуренции? Экономических и политических причин может быть множество, и каждый регион характеризуется уникальным сочетанием этих факторов. Но в общем виде смещение в сторону мягкой модели связано с появлением сильных политических игроков, игнорирование интересов которых в рамках жесткой модели может привести к конфликтам с нежелательной оглаской в СМИ. Важно подчеркнуть, что в ходе выборов региональные власти должны не просто обеспечить исход голосования, ожидаемый центром, но и достичь этого результата без скандала и публичного резонанса. В ситуации, когда

жесткая модель может вызвать скандал, переход к мягкой модели под риторику сохранения в регионе политической конкуренции может быть целесообразным. Выбор мягкой модели может быть обусловлен также изменениями настроений в обществе. Так, после выступлений на Болотной площади власти стали действовать осторожнее [Robertson, 2013; Greene, 2013].

Сейчас появилась ситуация перелома, и поэтому шансы, конечно, появляются.
(Политтехнолог)

Заметим, что движение в континууме от жесткой к мягкой модели сопровождается повышением стоимости избирательной кампании. Причем как со стороны провластных, так и со стороны оппозиционных сил.

Когда все спокойно, то нет смысла тратиться. Если же появляется шанс, что что-то изменится, то и правящая сила начинает деньги вбрасывать, потому что боится власть потерять. И бизнес готов рискнуть. Тогда это выгодные кампании в денежном смысле.
(Политтехнолог)

Могут возникнуть сомнения относительно того, может ли в принципе возникнуть оппозиция в условиях жесткой модели. Откуда возьмется сила, способствующая дрейфу в сторону мягкого варианта? Наше исследование зафиксировало сценарии, когда региональная оппозиция возникала при непосредственном участии власти. Эта парадоксальная ситуация объясняется довольно просто: жесткая власть нуждалась в образе врага, создающего угрозу стабильности.

Там до смешного доходило. Губернатор, чтобы поднять себе цену, начинает в Москве рассказывать, что у него в регионе оппозиция голову поднимает, и как он с этой ситуацией доблестно справляется. А ему в Администрации президента говорят: «Кончай фантазировать. Мы вдоль и поперек твою область мониторим, нет там ничего». Так лучше, чтобы было, чтобы чуть-чуть, но была угроза режиму, тогда губернатор — герой.
(Политтехнолог)

Нейтрализация угроз является лейтмотивом легитимации жесткой модели как внутри региона, так и в диалоге региональных властей с федеральным центром. Чем выше уровень угроз, тем больше Москва ценит региональное руководство, сдерживающее беспорядки. Образ врага — хорошо работающий инструмент удержания власти в ходе выборов. Как образно описал ситуацию политтехнолог:

Сейчас можно и обезьяну выбрать. Вам кто лучше — родная, предсказуемая обезьяна, которая поддерживает действующую власть, или эти либералы? Люди, но либералы. Которые приведут нам американцев. Обезьяна лучше, нужно только хорошенько напугать (Политтехнолог).

В одной из областей, где мы вели полевое исследование, политические старожилы вспоминают историю одного из самых ярких оппозиционеров и критиков

губернатора. Он был простым врачом и критиковал региональные власти за разрушение медицинской сферы. Его легко можно было поставить на место, припугнув различными неприятностями. Однако на этом этапе он не представлял реальной угрозы. Более того, активный врач был полезен, поскольку демонстрировал наличие политических свобод в регионе. Изображая чувствительность к критике, губернатор добивался кадровых перестановок в правительстве области. Наконец, врач в числе прочих оппозиционеров олицетворял «угрозу стабильности», за которую губернатор отвечал перед центром. Чем выше угроза, тем выше ценятся заслуги по сохранению стабильности в регионе. Нет угроз — нет заслуг. Поэтому врача терпели, давая ему возможность развивать свою критическую позицию. Он стал частью политического ландшафта региона.

Врач быстро перестал работать в больнице, избрался в законодательное собрание области, но не остановился на достигнутом, а продолжил строить политическую карьеру на критике действующей региональной власти. В нем обнаружились ораторские и организаторские способности. Ухудшение экономической ситуации, падение уровня жизни в регионе привели к росту числа его сторонников. В итоге его выбрали депутатом в Госдуму РФ. Тем самым он перешел с регионального уровня политики на федеральный. Критика и постоянные разоблачения губернатора стали его политическим брендом. «Закрыть» его силами региональных властей стало невозможно. Этот случай — яркий пример того, как угроза, необходимая для легитимации строгости власти и добавляющая веса тем, кто ее нейтрализует, вышла из-под контроля.

Таким образом, мягкая модель допускает субъектность бизнеса, но не переводит его диалог с властью в конфликтную плоскость. Степень мягкости определяется тем, насколько бизнес способен противопоставить финансовый ресурс административным сценариям электоральных побед. Мягкая модель представляет собой континуум состояний, полюсами которого являются жесткая и конфликтная модель. При этом любые модификации мягкой модели по своей сути не противоречат базовым принципам жесткой модели, сохраняя целостность сложившейся вертикали власти. В этом ее принципиальное отличие от конфликтной модели, которую мы рассмотрим далее.

Конфликтная модель:

финансовый ресурс как субститут административного

Конфликтная модель возникает в условиях серьезного раскола в вертикали власти, что периодически случается в отдельных регионах. Это подрывает целостную систему применения административного ресурса и во многом его обесценивает. В этих условиях значимость финансового ресурса и квалификации политтехнологов резко возрастает. Предприниматели как акторы, принимающие решения о финансировании избирательных кампаний, выступают уже преимущественно как инвесторы, заинтересованные в наращивании своего индивидуального политического ресурса. Финансовый ресурс становится субститутом административного ресурса.

Напомним, что осенью 2018 г. четыре региона (из 22, где в тот год проходили выборы глав регионов) проголосовали против действующих губернаторов, чле-

нов «Единой России». Эти регионы — Хакасия, Приморский и Хабаровский край, Владимирская область. С 2012 г., когда вернули прямые выборы губернаторов, ни разу не было ситуации, чтобы действующие главы, выдвиженцы от «Единой России», сразу в нескольких регионах не побеждали в первом же туре. В итоге в Хабаровском крае и Владимирской области победили представители ЛДПР, в Хакасии — представитель КПРФ, а в Приморье итоги второго тура были отменены из-за слишком явного использования при подсчете голосов административного ресурса в пользу прежнего губернатора. Также «Единая Россия» не набрала большинство голосов в парламенты Хакасии, Ульяновской и Иркутской областей, отдав большую часть мандатов КПРФ.

Спустя год, в сентябре 2019 г., сокрушительное поражение «Единой России» произошло в Хабаровском крае. Партия власти практически полностью потеряла свои позиции как в Законодательном собрании края, так и в городских думах Хабаровска и Комсомольска-на-Амуре. Во всех депутатских собраниях устойчивое большинство мест получили представители ЛДПР. При этом в городских думах Хабаровска и Комсомольска-на-Амуре «Единая Россия» не смогла получить ни одного мандата. В результате возникла уникальная для современной России ситуация, когда в одном из субъектов РФ представители, безусловно, системной оппозиции в лице ЛДПР контролируют все ветви и уровни публичной власти, а официальная партия власти формально практически не представлена в них.

Важным выводом истории о «строптивых» регионах стало понимание того, что федеральный центр явно недооценивает многообразие сложившихся на различных территориях страны конфигураций политико-экономического взаимодействия. Опрошенные эксперты подтверждают отсутствие тенденции к унификации ситуации в регионах и устойчивое сохранение разнообразных вариантов организации избирательных кампаний. Возникающие конфликтные ситуации демонстрируют, что отсутствие качественной региональной экспертизы может иметь опасные последствия, в том числе для федеральной власти. Яркий пример этого — достаточно мощные и устойчивые протесты в Хабаровском крае, являющиеся реакцией на арест и отстранение от власти губернатора С. Фургала.

В то же время пока такие ситуации в России скорее исключение из правил. Даже победившие на выборах несогласованные с властью кандидаты так или иначе постепенно встраиваются в вертикаль власти или выдавливаются из нее. В первую очередь это касается представителей оппозиции, победивших на губернаторских выборах, поскольку губернаторы выступают центральными акторами вертикали власти в регионах. Другими словами, неожиданные выбросы региональной конфликтной модели нейтрализуются жесткой моделью центральной власти. Пример тому — выборы губернатора Приморья в сентябре 2018 г. Победа незапланированного кандидата от коммунистов была нейтрализована Центральной избирательной комиссией, признавшей выборы несостоявшимися. Спустя два месяца на новых выборах победил назначенец Москвы, в авральном режиме присланный в регион. Яркая деталь этой истории состоит в том, что КПРФ не стала повторно выдвигать кандидатуру бизнесмена, который чуть было не победил в сентябрьских выборах и имел все шансы стать губернатором. Жесткая модель на федеральном уровне призвала КПРФ к порядку. Такая реакция

Москвы, вероятно, объясняется тем, что речь шла о Дальнем Востоке, связь которого с Россией в экономическом плане становится все призрачнее. Фактически регион превращается в сырьевой придаток Китая. Это вызывает тревогу и, как следствие, повышенную политическую опеку со стороны федерального центра. В России есть регионы, где «самодетельность» бизнеса в политической сфере не имеет права на существование. В числе таких регионов — дальневосточные субъекты федерации.

Есть мнение, что «незапланированные» победы стали результатом протестного голосования, когда люди отдали голоса альтернативному кандидату исключительно из желания продемонстрировать протест против действующей власти. Согласно этому мнению, никакой реальной борьбы не было, технические кандидаты победили случайно, исключительно в силу антирейтинга «Единой России». Основания для такой точки зрения, конечно, есть. Так, летом 2018 г. прошла крайне непопулярная у населения пенсионная реформа. По данным «Левада-Центра», недовольство реформой зафиксировано у всех социальных групп, но наиболее высокое недовольство демонстрировали работающие и малоимущие. Однако «две трети россиян не признали наличие связи между пенсионной реформой и их участием в прошедших выборах»³. Наши информанты также не сводили все к реакции на пенсионную реформу, считая, что она, безусловно, оказала эффект на исход борьбы, но не предопределила его.

Скажем, в Приморье четко видно, откуда был нанесен удар. Там игроки не побоялись выступить против федерального центра. Был действующий губернатор, которому Путин дал кредит доверия. А его накрыли. Это уже борьба региональных элит. Фактически региональные элиты пошли войной на федеральный центр. Они осознанно пошли на это, и там платили деньги. Владимирская область — та же самая ситуация. Там были деньги, кампании альтернативных кандидатов реально оплачивались. Это были деньги регионального бизнеса. То есть это не реакция избирателей, которые открыли бюллетени, ничего не знали и вдруг подумали: «А проголосую-ка я против ЕР». Нет, те кандидаты реально вели серьезную избирательную кампанию». (Политтехнолог)

Таким образом, финансы, направленные на избрание несогласованных депутатов, мэров, губернаторов, оказались способными состязаться в эффективности с административным ресурсом. Неожиданным уроком выборов стало то, что административная поддержка не гарантирует результат.

Против административного ресурса активно работают новые цифровые технологии. Информация расходится через телеграм-каналы, контролировать которые администраторы власти не могут. В этом качестве показателен кейс с выборами в Мосгордуму осенью 2019 г. Конфликтную ситуацию создали малоресурсные с точки зрения финансовых возможностей кандидаты. Их недопуск к участию в выборах стал причиной массовых протестов в Москве. Мобилизация протестующих шла преимущественно через социальные сети.

³ «Левада» оценил влияние пенсионной реформы на участие в выборах // Левада-Центр. 2018. 1 октября. URL: <https://www.levada.ru/2018/10/01/levada-otsenil-vliyanie-pensionnoj-reformy-na-uchastie-v-vyborah/> (дата обращения: 13.08.2020).

Кроме того, многолетнее использование административного ресурса привело к «перегреву» бюджетников, главной электоральной базе административной модели выборов. В них зреет недовольство, катализатором чего послужила пенсионная реформа. В этих условиях профессиональная работа политтехнологов, опирающихся на достаточный финансовый ресурс, способна противостоять административному сценарию.

Ключевым условием реализации конфликтной модели является наличие групп интересов, заявляющих о своем желании переопределить политическое пространство. Их финансовый ресурс способен стать субститутом административного ресурса.

Заключение

Общий вывод, полученный в ходе исследования, состоит в отсутствии универсального ответа на вопрос о ранжировании по значимости административного и финансового ресурсов. Этот вывод был сделан на основе сравнительного анализа мнения экспертов. Анализ интервью свидетельствует, что, несмотря на наличие вертикали власти, в разных регионах сложились разные модели организации и проведения избирательных кампаний. Имеет место сложная мозаика региональных различий. Многообразие вариантов жесткой, мягкой и конфликтной моделей организации и проведения избирательных кампаний отражает наличие различных конфигураций политических и экономических акторов в региональном разрезе. При этом особое значение имеет мотивация и степень свободы предпринимателей, выступающих поставщиками финансового ресурса для данных кампаний. Подчеркнем, что их мотивация имеет двойственный характер. С одной стороны, участие в финансировании партии власти выступает как часть квазиалоговых платежей, установленных властными структурами и подкрепленных административным давлением с их стороны. С другой стороны, предприниматели реализуют индивидуальные стратегии политических инвестиций.

Квазиалоговые платежи и политические инвестиции бизнеса не являются противоположностью, а переходят друг в друга. Однако соотношение между этими мотивами существенно меняется в рамках выделенных моделей. В жесткой модели финансирование предпринимателями избирательных кампаний выступает преимущественно как квазиалоговый платеж («оброк»), соответственно, финансовый ресурс является зависимым компонентом административного ресурса. Однако даже в этом случае само согласие финансировать избирательные кампании партии власти служит своеобразной защитной политической инвестицией для бизнесменов. Для одних групп предпринимателей такое вынужденное финансирование становится условием выживания, а другим позволяет получать те или иные преференции, создающие конкурентные преимущества. В рамках мягкой и тем более конфликтной моделей предприниматели в большей степени действуют как акторы, реализующие самостоятельные стратегии политических инвестиций. Это превращает финансовый ресурс из компонента в субститут административного ресурса.

С точки зрения соотношения трех выделенных региональных моделей можно сделать следующие выводы. Жесткая модель является базовой, притом что

в полной мере ее параметрам соответствует ситуация в достаточно узкой группе регионов. В большинстве же регионов сложились различные варианты мягкой модели, представляющей собой континуум состояний. Однако мягкая модель формируется на основе жесткой, существуя преимущественно как ее модификация, и поэтому достаточно бесконфликтно вписывается в сложившуюся вертикаль власти. Возникновение в ряде регионов конфликтной модели подрывает устойчивость сложившейся политико-экономической системы, потенциально угрожая целостности существующей вертикали власти. Однако пока эти ситуации нейтрализуются, как уже отмечалось, жесткой моделью центральной власти.

Список литературы (References)

Бычкова О., Гельман В. Экономические акторы и локальные режимы в крупных городах России // Неприкосновенный запас. 2010. № 2. С. 73—82.

Buchkova O., Gel'man V. (2010) Economic Actors and Local Regimes in Major Russian Cities. *Neprikosnovenniy Zapas*. No. 2. P. 73—82. (In Russ.)

Звоновский В. Административный ресурс: вариант исчисления объема // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2000. № 1. С. 35—37.

Zvonovsky V. (2000) Administrative Resource: a Variant of Calculating the Volume. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 35—37. (In Russ.)

Левин С. Н., Курбатова М. В. Сетевые взаимосвязи российского бизнеса: деловая коррупция и органический институт реальной модели институциональной организации российской экономики // Журнал институциональных исследований. 2011. Т. 3. № 2. С. 39—58.

Levin S. N., Kurbatova M. V. (2011) Network Interactions of Russian Business: Business Corruption and Organic Institution of the Real Institutional Organization Model of the Russian Economy. *Journal of Institutional Studies*. Vol. 3. No. 2. P. 39—58. (In Russ.)

Левин С. Н. Рынки власти, режимы прав собственности и политический ресурс предпринимателей в современной России // Мир России. 2014. Т. 23. № 4. С. 35—58.

Levin S. N. (2014) "Markets of Power", Property Rights and Political Resource of Entrepreneurs in Modern Russia. *Universe of Russia (Mir Rossii)*. Vol. 23. No. 4. P. 35—58. (In Russ.)

Нуреев Р. М., Шульгин С. Г. Взаимосвязь экономического и политического монополизма в российских регионах: административный ресурс и формы его проявления // Terra Economicus. 2006. № 3. С. 33—40.

Nureev R. M., Shulgin S. G. (2006) Relationship between Economic and Political Monopolism in Russian Regions: Administrative Resource and Forms of its Manifestations. *Terra Economicus*. No. 3. P. 33—40. (In Russ.)

Олейник А. А. Рынок как механизм воспроизводства власти // Pro et Contra. 2008. № 2—3. С. 88—107.

Oleynik A. A. (2008) Market as a Mechanism of Reproduction of Power. *Pro et Contra*. No. 2—3. P. 88—107. (In Russ.)

Панеях Э. Я. Правила игры для русского предпринимателя. М.: Колибри, 2008.
Paneyakh E. Ya. (2008) Rules of the Game for the Russian Entrepreneur. Moscow: Kolibri. (In Russ.)

Радыгин А. Россия в 2000—2004 годах: на путях к государственному капитализму? // Вопросы экономики. 2004. № 4. С. 42—65. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2004-4-42-65>.

Radygin A. (2004) Russia in 2000—2004: Heading towards State Capitalism? *Voprosy Ekonomiki*. No. 4. P. 42—65. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2004-4-42-65>. (In Russ.)

Barsukova S. (2019) Informal Practices of Big Business in the Post-Soviet Period: from Oligarchs to “Kings of State Orders”. *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*. Vol. 27. No. 1. P. 31—49.

Barsukova S., Zvyagintsev V. (2006) Mechanism of «Political Investment», or How and Why Business Participates in Elections and Funds Party Life. *Social Sciences. A Quarterly Journal of the Russian Academy of Sciences*. Vol. 37. No. 4. P. 76—88.

Faccio M. (2006) Politically Connected Firms. *American Economic Review*. Vol. 96. No. 1. P. 369—386. <https://doi.org/10.1257/000282806776157704>.

Fisman R. (2001) Estimating the Value of Political Connections. *American Economic Review*. Vol. 91. No. 4. P. 1095—1102. <https://doi.org/10.1257/aer.91.4.1095>.

Frye T., Reuter O. J., Szakonyi D. (2014) Political Machines at Work: Voter Mobilization and Electoral Subversion in the Workplace. *World Politics*. Vol. 66. No. 2. P. 195—228. <https://doi.org/10.1017/S004388711400001X>.

Gel'man V. (2009) “Leviathan’s Return? The Policy of Recentralization in Contemporary Russia.” In: Ross C. and Campbell A. (eds.) *Federalism and Local Politics in Russia*. London; New York: Routledge. P. 1—24.

Gel'man V. (2015a) Authoritarian Russia: Analyzing Post-Soviet Regime Changes. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press.

Gel'man V. (2015b) Political Opposition in Russia: A Troubled Transformation. *Europe-Asia Studies*. Vol. 67. No. 2. P. 177—191. <https://doi.org/10.1080/09668136.2014.1001577>.

Goode J. P. (2011) The Decline of Regionalism in Putin’s Russia. London: Routledge.

Greene S. A. (2013) Beyond Bolotnaia: Bridging Old and New in Russia’s Election Protest Movement. *Problems of Post-Communism*. Vol. 60. No. 2. P. 40—52. <https://doi.org/10.2753/PPC1075-8216600204>.

Hellman J. S., Jones G., Kaufman D. (2000) “Seize the State, Seize the Day”: State Capture, Corruption, and Influence in Transition. *Policy Research Working Paper*

No. 2444. Washington, DC: World Bank. URL: <http://hdl.handle.net/10986/19784> (accessed: 03.08.2020).

Levitsky S., Way L. A. (2010) Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CB09780511781353>.

Robertson G. (2013) Protesting Putinism: The Election Protests of 2011—2012 in Broader Perspective. *Problems of Post-Communism*. Vol. 60. No. 2. P. 11—23. <https://doi.org/10.2753/PPC1075-8216600202>.

Ross C. (ed.) (2015) Systemic and Non-Systemic Opposition in the Russian Federation. Civil Society Awakens? Farnham; Burlington, VT: Ashgate.

Scott G., Sonin K., Zhuravskaya E. (2010) Businessman Candidates. *American Journal of Political Science*. Vol. 54. No. 3. P. 718—736. <https://doi.org/10.1111/j.1540-5907.2010.00456.x>.

Simpser A. (2013) Why Governments and Parties Manipulate Elections: Theory, Practice, and Implications. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CB09781139343824>.

Slinko I., Zhuravskaya E., Yakovlev E. (2004) Laws for Sale: An Empirical Study of the Effects of Regulatory Capture. *CEFIR Discussion Papers*.

Yakovlev A. (2006) the Evolution of Business — State Interaction in Russia: From State Capture to Business Capture? *Europe-Asia Studies*. Vol. 58. No. 7. P. 1033—1056. <https://doi.org/10.1080/09668130600926256>.